

Владимир Димитриевич: ненасытный первооткрыватель | Vladimir Dimitrijevic, découvreur et assoiffé

Автор: Жорж Нива (перевод - Ольга Юркина), [Лозанна](#) , 02.08.2011.

Владимир Димитриевич в окружении своих единомышленников - книг (NashaGazeta.ch)

Как мы сообщали, основатель и бессменный руководитель лозаннского издательства Age d'Homme погиб в автокатастрофе 28 июня. В своей статье памяти Владимира Димитриевича, профессор русского языка и литературы Женевского университета Жорж Нива воздаст должное другу, коллеге, "сербскому разбойнику", неустанному первооткрывателю забытых литератур на славянских языках.

|
Le fondateur de l'Age d'Homme est décédé le 28 juin dernier. Georges Nivat, professeur honoraire de langue et littérature russes à l'Université de Genève, rend hommage à l'ami, collègue, "brigand serbe", découvreur infatigable des littératures oubliées en langues slaves.

Vladimir Dimitrijevic, découvreur et assoiffé

«Ошибается кукушка, как ошибаются и врачи. И ни один врач не может предсказать, когда человека задавит трамвай». Так думает профессор-орнитолог, живущий на углу одного из переулков Москвы, Сивцева Вражка, в одноименном романе Михаила Осоргина, очень любившего Владимира Дмитриевича, благодаря которому его узнали и полюбили.

Русская кукушка, если к ней прислушаться, скажет, сколько лет вам остается жить. «Сколько раз прокричит, столько и осталось!» Кукушка Владимира Дмитриевича замолчала. Но та, что кричит для его издательства Age d'Homme, будет еще долго надрываться. Она поет и будет петь для этой пещеры Али-Бабы, которой остается дом книг, основанный, обставленный, заполненный, тысячу раз воссозданный и нежно любимый сербским разбойником. Потому что он охотился за всей известной и неведомой литературой, потерянной и созданной для обретения Европой и обеими Америками. Французский язык нашел в нем маклера, золотых дел мастера, певца, каких мало у него было. Бескорыстность была секретом этого издательского дома с четырьмя тысячами заглавий, но одновременно его Ахиллесовой пятой: «public relations» никогда не были его сильной стороной.

✘И французский язык далеко не единственный, кто должен запевать песнь благодарности! Что говорить о русском, с Осоргиным, Олешей, Мандельштамом и Василием Розановым, чьи «Опавшие листья» словно повторное бормотание всего того, что думал Владимир, и «Апокалипсис нашего времени», словно эхо его самых мрачных убеждений. Что говорить о великих голосах русского сопротивления: Гроссмани и его маленьком евангелии доброты в стране гугага, Зиновьеве и его грозном философском сарказме, приближающем к двадцать пятому часу, и столько еще других.

Польский язык вместе со словацким, и необъятным Реймонтом («Мужики»), с гениальным насмешником, идолом Владимира, великим Виткевичем («Ненасытность» и полное собрание произведений для театра). Чешский язык с невероятной антологией барочной поэзии XVIII века и озорным, предостерегающим Чапек, сербский и хорватский с Иво Андричем и Милошем Црнянским, и целым легионом «молодых» писателей, которых Дмитриевич открыл (Стеванович, Благоевич, Щепанович, беспощадный Тишма). И, вершина всего, безмерный Добрица Чосич.

А также болгарский язык и идиш, американский английский с Томасом Вулфом и его необыкновенным «Взгляни на дом свой, ангел», или Льюисом Уиндхемом с превосходным «Возмездием любви», или итальянский язык с гениальным антиконформистским «Красным конем» Евгению Корти... Сколько языков, сколько литератур, презираемых и урезанных, должны приставить к губам трубы в честь этого неустанного исправителя шаблонных культур.

✘Он искал, как золотоискатель, но во имя красоты самого поиска, не ради находки. И ничто не могло сбить с пути его пронизательности первооткрывателя: ни грандиозность текста, ни безумие перевода, ни, еще менее того, антиконформизм

писателя. Он шел прямо на «необъятных», на тех, кто долго вынашивал всеобъемлющее произведение, где возобновлялось сотворение человека, его бой с богами и людьми. Вот почему самые великолепные щиты, украшающие крепость Age d'Homme, - Евгению Корти, Станислав Виткевич, Добрица Чосич, Владимир Волкофф или Милош Црњанский: они повторили гомеровский путь противостояния всем и всему.

На французском языке это был, прежде всего, Волкофф. Волкофф, поэт и приверженец деконструкции и дезинформации, конечно, с «Hôte du rare», творением римской виртуозности и шпионажа рококо, и еще более того - Волкофф всеобъемлющего творения, автор квартета «Настроения моря» (Humeurs de la mer), вдохновленного Александрией, шедевра, в котором переплетаются интрига, относительность времени, средневековый гобелен с ангелами-хранителями и триллер на тему КГБ. К слову, оба Владимира, Волкофф и Дмитриевич, отныне неразделимы в моей памяти: оба высокомерные и смиренные, бросающие вызов общепризнанным идеям и пошлomu миру серийного производства.

Чосич, последний великий романист Европы, которого Запад упрямо не желает читать, и, следовательно, признавать, - другой литературный парангон Дмитриевича. Не по своим политическим убеждениям, до которых его обычно сокращают в стране «прогрессивной мысли», но как Гомер последней европейской страны, в которой вырисовывается мир прошлого, где сельская местность все еще приятно пахнет, где война сеет смерть, настоящую, как античная сеятельница, где город изобилует новыми идеями и заграждается баррикадами против деревенщины, годной для гибели на фронте, где социалистическая утопия, продолжая дело зла и смерти, устанавливает свои искусственные декорации и тщательно замаскированные гуглаги (но предназначенные сталинским противникам, ибо в гуглаге Тито «сталинский» рифмуется с «жертвой»).

✘ Три поколения Катичей, продолжающие род в запахах меда и человеческой грязи войны на земле между Дунаем и Черногорией, надрывающейся в поисках своих европейских очертаний, переделывают то, что великий европейский роман - английский Голсуорси, французский Стендаля, Бальзака или Золя, и особенно русский, Толстого или Гончарова, Достоевского или Салтыкова-Щедрина, - пытались охватить: борьбу личности и общества, общества и рока.

Среди великих дел этого издателя есть и театр: весь Мейерхольд, Аппиа, Станиславский и монументальная серия «Театральных трудов» (Travail théâtral) (не забывая полного собрания сочинений Шекспира). Есть и кинематограф, и крепкая дружба с Фредди Бюашем, журналистом и киноведом. И, еще одна его страсть, теология, откуда - великолепная голубая серия, окрещенная «Софией», которой когда-то руководил Константин Андроников и которая открыла миру религиозную мысль русской эмиграции, сегодня ставшую основной духовной пищей России: отец Сергей Булгаков и его теология хозяйства, Бердяев и теология свободы, и, главное, «Столп и утверждение истины» отца Флоренского.

Кинематограф, икона, теология, театр: все визуальное было частью духовного, как его понимал этот человек, всегда вспыльчивый, обеспокоенный, но, как Флоренский, бичующий позором всех тех, кто хочет принудить Святой Дух объявиться немедленно. Но он умел, несмотря на свою вспыльчивость, владеть временем и терпеливо вынашивать великие деяния. Иначе разве смог бы он создать такой каталог, такую кладовую сокровищ?

✘ В интервью, которое Жилью Зильберштайну посчастливилось сделать с ним и недавно опубликовать, слышится этот обеспокоенный голос, вечно устремленный к новым строфам, дополнениям, новым магнетическим импульсам. Он поверяет в нем свою жажду чтения, когда, в Белграде, ребенок буржуазной семьи, деклассированной режимом, он рассматривал витрины книжных магазинов: они навсегда останутся его рождественской елкой. И он рассказывает, как полюбил, вместе с друзьями, вклад советской литературы 1920-х годов, Леонида Леонова (у которого никогда не было более восторженного поклонника), Олешу или Пильняка. Каким бы антикоммунистом он не был, он стал почитателем и первооткрывателем, на Западе, этой советской литературы, еще ребенка, о которой с презрением отзывался Троцкий в «Литературе и революции». Среди советских произведений той эпохи, оказались и следы апокалиптического русского символизма: в частности, Андрей Белый и «Петербург», поэма страха, как назвал ее Бердяев.

День, когда я впервые услышал на другом конце провода теплый и прерывистый голос Владимира, навсегда останется в моей памяти. Я был у Доминика де Ру, в издательстве Cahiers de l'Herne. Доминик не мог использовать перевод Белого, сделанного мной и Жаком Катто, из-за судебных разбирательств, в которые его втянул Gallimard. Однако, - объяснил он мне, - я знаю одного сербского издателя, недавно обосновавшегося в Лозанне, который мечтает открыть свой книжный магазинчик этим произведением. Мы тотчас же ему позвонили, и я услышал его вопящим, как он мечтал издать эту книгу! Наша авантюра началась. Это было в 1967 году.

Всякая дружба с ним знала высоты и падения. Ее путь был усеян резкими разногласиями и естественными примирениями. В каком-то смысле, он был слишком велик для Швейцарии, для Франции, для Европы, какой она стала в культурной и религиозной сферах. Он хотел сопротивляться. Как Марина Цветаева, сделавшая сопротивление своим лозунгом, и Орленка - героем. Сопротивляться в широких и малых масштабах. Ради своей страны, Сербии - ох, скольких сбила с толку его позиция в эпоху войны НАТО против Сербии Милошевича, его самого, безусловно, но в еще большей степени всех тех, кто свел его до уровня газетного писаки. Он защищал, прежде всего, луга Прерово, своего друга Чоссича.

✘ Но также ради Швейцарии. Была его почти братская дружба с Жоржем Альда и грандиозная поэма последнего, перетекающая из книги в книгу. Он вывел на орбиту Гарцаролли, Шессе, Барилье и многих других.

И, наконец, сопротивляться ради всех одиноких, забытых литературой: потерявшего надежду Каракко, полное собрание сочинений которого он издал, Шестова с апологией безрассудства, трагического клоуна Грипари, Платонова, поэта оборванцев коммунизма, или огромных бесполезных энциклопедий, как «Энциклопедия фантастического» (Encyclopédie du fantastique) Версенса, или, совсем недавно, монументальный Словарь Октава Мирбо.

«Заключение, господа, какое будет заключение? Поднатужимся, чтобы сделать выводы!» Славное рассуждение аптекарей!» - так пишет другой его автор, парадоксальный и неожиданный Людвиг Холь в своих «Заметках, или Преждевременном примирении». Оставьте книгам их категоричность, примирение наступит позднее - единственное заключение.

Портреты Владимира Димитриевича:

Интервью с Жилем Зильберштайном, «Литературная и издательская история»:
Entretien enregistré avec Jil Silberstein et «Une histoire littéraire et éditoriale» de Gérard Conio. Éditions héros-limite et Gérard Conio. 2011.

Dimitri le passeur (собрание текстов), l'Age d'Homme, Lausanne, 1984

Владимир Димитриевич, Перемещенное лицо, беседы с Жаном-Луи Куффером:
Vladimir Dimitrijevic, personne déplacée, entretiens avec Jean-Louis Kuffer. Edition Pierre-Marcel Favre, Lausanne, 1986.

[Владимир Димитриевич](#)
[литература швейцария](#)
[русская литература на французском языке](#)

Статьи по теме

[Владимир Димитриевич: «Я хотел быть свидетелем...»](#)
[Не стало Владимира Димитриевича](#)

Source URL: <http://nashagazeta.ch/news/12119>